

ЕЛИЗАВЕТА

РУССКАЯ

ПОБЕДЫ И ШАЛОСТИ
ДОЧЕРИ ПЕТРА

АВТОР-
СОСТАВИТЕЛЬ
АРСЕНИЙ
ЗАМОСТЬЯНОВ

**Казимир Феликсович Валишевский
Николай Иванович Костомаров
Михаил Васильевич Ломоносов
Аксель фон Мардефельд
Арсений Александрович Замостьянов
Елизавета Русская. Победы
и шалости дочери Петра
Серия «Русская история»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68729193

Елизавета Русская. Победы и шалости дочери Петра / Составитель

Арсений Замостьянов. – М.: ,; Родина; Москва; 2022

ISBN 978-5-00180-779-7

Аннотация

Её считали первой красавицей своего времени, русской Венерой и лентяйкой на троне. Но дочь Петра Великого сложнее всех стереотипов. 20 лет её правления стали для России временем усиления армии, укрепления национальных традиций. В то же время она была истинной женщиной галантного века. Амурные приключения и авантюры расцвели её жизнь. В этой книге о Елизавете и её эпохе рассказывают современники и историки.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Елизавета. Парадоксы весёлой царицы	6
Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года	29
Записка о важнейших персонах при Дворе Русском	41
Императрица Елисавета Петровна	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Елизавета Русская. Победы и шалости дочери Петра Составитель Арсений Замостьянов

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© Замостьянов А.А., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Елизавета. Парадоксы весёлой царицы

Елизавета Русская – первая красавица среди монархинь своего времени, она вызывала восхищения и отпугивала непростым, ершистым и своенравным характером, который, несомненно, унаследовала от своего неужённого отца.

Что мы вспоминаем о ней в первую очередь? Благодаря фильмам о гардемаринах она стала популярной в России киногероиней, эта линия продолжается и в наше время. Вторая ассоциация – пышная архитектура елизаветинского барокко, отразившая её представления о великолепии. Это дворцы до сих пор – такие же важные символы России, как Кремль и Красная площадь.

Рожденная в праздник

Она родилась в подмосковном Коломенском – как Иван Грозный – за два года до того, как её родители заключили законный брак. Но её великий отец – первый русский император Пётр – не обращал внимания на условности и предрассудки. В этот день русская армия вступала в Москву после победы в Полтавской битве. Когда царя известили о рождении дочери, он сказал: «Отложим празднество о победе и

поспешим поздравить с восшествием в мир дочь мою, яко со счастливым предзнаменованием вожделенного мира». И начался пир горой, от которого сотрясалась Белокаменная – с фейерверками, пушечными залпами и песнями.

Ничья невеста

Когда она начала появляться в свете – комплиментам не было конца. Речь шла не только е красоте «Лизетки». Герцог Лирийский писал: «Принцесса Елизавета, которая, как Вы знаете, является дочерью Петра I, очень красива. Кожа у нее очень белая, светлокаштановые волосы, большие живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошенький рот. Она склонна к полноте, но очень изящна и танцует лучше всех, кого мне доводилось видеть. Она говорит по-немецки, по-французски и по-итальянски, чрезвычайно весела, беседует со всеми, как и следует благовоспитанному человеку, – в кружке, но не любит церемонности двора».

Луи Каравак. Портрет цесаревен Анны и Елизаветы

Не отставал и фельдмаршал Миних: «У нее живой, проныцательный, веселый и очень вкрадчивый ум, обладающий большими способностями. Кроме русского, она превосходно выучила французский, немецкий, финский и шведский языки».

Французскому она отдавала предпочтение. Отец хотел выдать красавицу за одного из Бурбонов – Людовика XV или юного герцога Орлеанского. Но французы не хотели ехать в далекий Петербург. После этого у красавицы было нема-

ло женихов. С одним из них – принцем Карлом-Августом Голштинским – дело дошло до приготовлений к свадьбе. Но жених неожиданно умер от загадочной болезни... Ему было 20, Елизавете 18, но она некоторое время держала траур по жениху, а потом как-то смирилась с незамужней участью. И пользовалась всеми возможностями свободы. Её первым любовником стал молодой офицер Александр Бутурлин – будущий граф и фельдмаршал.

Путь к престолу

Елизавета Петровна до 32-х лет и представить не могла, что станет самодержицей Всероссийской и будет больше двадцати лет – целую эпоху! – вершить судьбами мира. Никто не готовил её в «самодержицы». Во времена Анны Иоанновны на нее поглядывали с тревогой и даже пытались постричь дочь Петрову в монахини. Жила она в Александровской слободе – снова ее судьба пересеклась с судьбой первого русского царя, Ивана Грозного. К власти Елизавета пришла, в известной степени, экспромтом. Помогла тоска по Петру Великому, по русскому человеку на троне, усталость от регентов при малолетнем Иване VI.

Ей помогли придворный медик Иван Лесток и гвардейцы Преображенского полка, буквально внесшие на руках свою любимицу в Зимний дворец. В гвардии ее любили: подобно Петру Великому, она с удовольствием становилась крестной

матерью офицеров, которые называли ее на «ты», матушкой и кумой. И многие были в нее влюблены.

Дочь Петра Великого в юности

5 сентября 1742 года, в день поминовения святых Захария и Елизаветы, то есть в день тезоименитства императрицы, Елизавета Петровна прибыла в Преображенскую слободу. По этому поводу в полку было устроено пышное застолье, на котором преображенцы ее восторженно приветствовали и поздравляли. В разгар застолья государыня обратилась к присутствующим с вопросом: «Есть ли среди вас именинники, носящие имя Захар?» На это преображенцы дружно ответили: «Матушка, мы все сегодня именинники, ибо наша благотельница делит сегодня с нами эту трапезу!» Елизавета Петровна рассмеялась и сказала: «Так вы, выходит, все Захары». С этого времени всех преображенцев стали звать «Захарами». Название это сохранялось за ними, пока существовал полк. Захары – и точка.

В ночь переворота верные Елизавете Петровне гвардейцы ворвались в спальню главнокомандующего генерал-фельдмаршала Ласси, от воли которого во многом зависел успех предприятия. Под его рукой стояло в столице семь полков.

– Какой государыне вы служите? – спросили гвардейцы разбуженного старика.

Тот быстро нашелся:

– Я служу ныне правящей государыне.

Лучше не скажешь!

Переворот прошёл практически бескровно. Счастливое

царствование и начиналось счастливо. Кстати, в те годы такую «смену караула» на престоле называли революцией.

Без казней, но с пытками

Став императрицей, она обещала отказаться от смертной казни. При этом, пыток не отменила, маленького Ивана VI заточила в крепость, жестко обошлась и с его родственниками и сторонниками. Да и разбойников в то время все равно казнили – только не на государственном уровне, а руками помещиков и их слуг. Но своих политических противников Елисавет действительно никогда не лишала жизни, лишь приказывала их истязать.

Считалось, что развеселая Елизавета Петровна так и не научилась разбираться в политике. Она старалась следовать курсу отца. Царедворцам нетрудно было обвести императрицу вокруг пальца, мотивируя то или иное свое нововведение «традициями Петра Великого». Но и сама «матушка» не была столь уж наивной. Несмотря на взрывной характер, ей был свойствен здравый смысл.

Маскарадный стиль

Одному курсу она следовала неизменно – старалась, в отличие от своей предшественницы Анны Иоанновны, покро-

вительствовать русским дворянам. Хотя, конечно, не отвергала и верных ей европейцев, игравших важную роль в высшем свете, политической системе и армии. В этом парадокс Елизаветы. По всем признакам, при её необразованности, при её ночном образе жизни, при её переменчивом характере трудно было держать в руках нити управления страной. Она – особенно в первое десятилетие правления – страстно любила маскарады с «метаморфозами». Высокий рост императрицы, ее длинные стройные ноги позволяли ей эффектно выглядеть в разнообразных мужских костюмах – то она представляла в виде восточного вельможи, то – в костюме французского мушкетера. А мужчины, переодетые в женское, потешали Елизавету. Тех, кто ей нравился, он лично готовила к маскараду, помогая принарядиться.

О размахе этих потех вспоминал придворный «бриллиантик» Иеремия Позье: «Маскарады... были роскошны... по этому случаю раскрывались все парадные покои, ведущие в большую залу, представляющую двойной куб в сто футов. Вся столярная работа выкрашена зеленым цветом, а панели на обоях позолочены. С одной стороны находится 12 больших окон, соответствующих такому же числу зеркал самых огромных, какие только можно иметь; потолок написан эмблематическими фигурами... Есть несколько комнат для танцев, для игры, и общий эффект самый роскошный и величественный».

Где маскарады – там и театральные зрелища. Драма, опе-

ра, балет. Серьезное развитие эти «забавы» получили в России именно при Елизавете Петровне. Первый императорский театр, в котором блистал актер и режиссер Фёдор Волков, в котором ставились трагедии и комедии Александра Сумарокова – всё это жемчужины елизаветинского времени. Сама императрица, посещавшая театры еженедельно, конечно, не осознавала, что стоит у истоков важной культурной традиции. Но из песни слов не выкинешь. По свидетельствам современников, она «любила науки и художества, а особливо музыку и живописное искусство». По примеру отца, приглашала в Петербург художников и скульпторов.

Александр Сумароков

Современник Елизаветы, один из первых русских историков, князь Михаил Щербатов писал: «Двор подражал, или, лучше сказать, угождал императрице, в златотканые одежды облекался. Вельможи изыскивали в одеянии все, что есть богаче, в столе все, что есть драгоценнее, в шитье все, что есть реже, в услуге возобновя древнюю многочисленность служителей. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всех комнатах, дорогими мебелью, зеркалами. Все сие доставляло удовольствие самим хозяевам. Вкус умножался, подражание роскошнейшим нарядам возрастало. И человек становился почтителен по мере великолепия его жилья и уборов».

Весёлая царица

Многие помнят, как написал про неё Алексей Константинович Толстой,

Весёлая царица
Была Елисавет.
Поёт и веселится,
Порядка ж нет как нет.

Императрица отличалась от отца еще и любовью к роско-

ши, к размаху в архитектуре и очевидным признакам богатства в одежде. Это про нее говорили, что ни одно платье, даже самое изящное, императрица не надевает дважды. При этом, на балах она неоднократно меняла наряды. В её коллекции было толи 15, толи 20 тысяч платьев – и, возможно, это мировой рекорд.

Подчас она испытывала приступы лени, но они сменялись бурной деятельностью. Елизавета, в отличие от своего великого отца, любила охоту на лисиц и зайцев с английскими собаками и на пернатую дичь с вышколенными соколами и ястребами. Эти выезды обставлялись с пышностью, присущей елизаветинскому двору. А ещё она любила певчих птиц. Будуары императрицы были окружены клетками. Она никогда не убивала в себе женское начало, и Елизавету очень точно прозвали «русской Венерой».

Сказалось на русской жизни и ее старое пристрастие к французскому языку: именно во времена Елизаветы он стал главным для русского дворянства. Развивалась галломания – преклонение перед всем французским. Хотя далеко не всегда Париж оставался политическим союзником России.

Роза преткновения

Она не избегала самодурства. Самый известный пример – нелюбовь к семейству Лопухиных. Причин имелось много. Скажем, они состояли в родстве и с первой женой Петра Ве-

ликого, и с его первой любовницей – Анной Монс. А Елизавета была дочерью императрицы Екатерины, которая скверно относилась к прежним привязанностям государя. Другая причина – женская ревность. Елисавет старела, а Наталья Лопухина считалась первой красавицей России. Однажды она явилась на бал с розой в волосах. С такой же розой в причёске там появилась и Елизавета. Императрица в приступе гнева подошла к Наталье, вырвала цветок из ее парика и отвесила Лопухиной две увесистые пощечины. Рука-то у нее была тяжелая. Но и этого царице оказалось мало. В 1743 году Наталья Лопухина была бита кнутом, ей урезали язык, после чего направили в ссылку, в Сибирь. На двадцать лет. Елизавета терпеть не могла конкуренток. Никто не имел права затмевать её великолепия.

Эпоха барокко

Ее придворным архитектором стал Бартоломео Растрелли (в России его называли просто Варфоломеем Варфоломеевичем) – крупнейший мастер нарядного и размахистого барокко. Это он был создателем того Зимнего дворца, который мы знаем и самых крупных дворцовых комплексов Царского Села и Петергофа. Добавим Аничков дворец, где жил ее супруг Алексей Разумовский. Не всё удалось достроить и окончательно довести до ума при Елизавете, но эти комплексы – безусловно, суть образцы её царственного вкуса. Разгляды-

вая эти здания, напоминающие прихотливые кондитерские изделия, можно понять вкус Елизаветы и её вклад в создание внешнего облика града Петрова и его престижных предметов. Именно при Елизавете Петербург приобрел европейский столичный лоск. Кстати, опасаясь заговоров, она привыкла всякий раз засыпать в новом будуаре. Перед сном любила слушать рассказы старух и торговок, которых для нее специально находили повсюду. Они сживали у ее постели и рассказывали всякую всячину, а императрица не только тешилась сказками, но и узнавала народное мнение по разным поводам. Иногда она превращалась спящей, чтобы рассказчицы были откровеннее.

В кругу мужчин

Вырисовывается образ легкомысленной особы. Но у Елизаветы имелось одно важнейшее для политика качество — она умела разбираться в людях. Недаром в годы ее правления раскрылись таланты Михаила Ломоносова, Александра Сумарокова, многих выдающихся дипломатов и полководцев. Тот же Бестужев был выдающимся дипломатом и яркой личностью. А из людей военных, в первую очередь, нужно назвать Петра Румянцева, Захара Чернышева, Петра Панина, Василия Лопухина. Они были молоды, выросли при Елизавете, впитали дух её эпохи. И Россия в Семилетнюю войну заявила о себе как не просто огромная таинственная держа-

ва, но империя, обладающая сильной армией и искусными генералами. Из полководцев старшего поколения ярче других проявил себя фельдмаршал Пётр Семёнович Салтыков, которому, по большому счёту, принадлежит честь победы в генеральном сражении при Кунерсдорфе.

Да и ее неофициальные мужья были людьми весьма способными, хотя и очень разными. Алексей Разумовский – почти неграмотный певчий из украинского села отличался добродушием и разумно (в соответствии с фамилией) вел дела, почти не вмешиваясь в политику. Есть гипотеза, что Елизавета Петровна тайно обвенчалась с своим любимцем в Москве в церкви Воскресения в Барашах, что на Покровской улице. По слухам, императрицы родила от него нескольких дочерей. Именно эту легенду «отрабатывала» знаменитая самозванка княжна Тараканова. Почти все, знавшие Разумовского, сохранили о нем добрые воспоминания, несмотря на любовь фаворита к регалиям и наградам. Например он, не имея военного опыта, получил фельдмаршальский жезл. Но ему даже это прощали: слишком добродушный был человек. Богатство его не испортило.

Другой ее молодой фаворит, Иван Шувалов, был одним из величайших меценатов своего времени, курировал академию художеств, создал московский университет... Став «ночным императором», жил достаточно скромно и даже от титула отказался. Просвещенный и тонкий был человек! Подобно отцу, она не знала границ в амурных делах. И даже при

таких замечательных мужьях она не избегала мимолетных увлечений. Петрова дочь ценила в мужчинах и внешнюю эффектность, и умение петь, слагать стихи, красиво говорить. Все ее кавалеры были в той или иной степени неординарными личностями. По крайней мере, петь умел и любил едва ли не каждый из этого великолепного отряда.

Кстати, Елизавета не забывала бывших фаворитов – даже тех, с кем была близка задолго до восшествия на престол. Всех она щедро одаривала по старой памяти.

Всполохи войны

Ее правление по праву считается достаточно успешным для России. Но, как водилось в XVIII веке, заговоров и интриг хватало и в её эпоху. Что касается войн – она старалась их избегать, но, в конце концов, решила принять участие в затяжном и кровопролитном всеевропейском противостоянии, вошедшем в историю как Семилетняя война.

В Петербурге шла серьезная борьба нескольких политических партий. Канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин выступал за союз с Англией и Австрией. Главным противником России он считал Пруссию и настороженно наблюдал за действиями Франции. Вторая партия выступала за союз с Францией и Пруссией. Там запевалой слыл влиятельный лейб-медик Иоганн Лесток, который занимался политикой больше, чем медициной и умел находить подход к импера-

трице. Его сторонниками были и некоторые высокопоставленные коренные русаки – например, вице-канцлер Михаил Воронцов и генерал-прокурор Никита Трубецкой.

Но вопрос участия России в Семилетней войне решали не они. Здесь в большей степени сказались «капризы» самой императрицы...

Развратный Фридрих

В Семилетнюю войну Елизавета вступила, главным образом, чтобы умерить амбиции прусского короля Фридриха II, вполне резонно прозванного Великим. Чем же он ее прогневал? Елизавета была, в известном смысле, ханжой. Позволяя себе различные шалости, она, в отличие от отца, постоянно посещала богослужения, помогала церкви и считала это надежной «индульгенцией» от обвинений в безнравственности. А о Фридрихе ходили ошеломляющие слухи... Философ на троне, он не покровительствовал ни одной конфессии и не слыл богобоязненным агнцем. К тому же, до Елизаветы доходила молва о гомосексуальных увлечениях вечного прусского холостяка. Скорее всего, молва не преувеличивала, хотя эротические приключения никогда не были для Фридриха чем-то главным. Армия, усиление государства, философия, идеология – все его силы уходили именно на эти увлечения. И все-таки Елизавета считала мужеложца на троне чуть ли не воплощением дьявола. Но, конечно, из одних мо-

ральных соображений войны не начинаются. Политика есть политика. Пруссия – сосед России. И её военное укрепление, безусловно, не могло устраивать Санкт-Петербург. К тому же, Россия претендовала на исконно территории Восточной Пруссии. Не говоря уж о Речи Посполитой – некогда могущественной, но успевшей одряхлеть. Под властью Варшавы оставались обширные белорусские и украинские территории. Там проживали православные, униаты и иудеи, которых католическая Варшава считала людьми второго сорта. А Елизавета считала себя защитницей православного и славянского мира. Приглашала на службу и сербов, и греков и уж, конечно, польских православных, включая раскольников.

Пруссия на коленях

Россия вступила в войну во всеоружии. Несмотря на воровство интендантов и халатность многих командиров... Видным устроителем армии стал брат фаворита императрицы, один из главных сановников империи граф Петр Шувалов. Он стремился сделать артиллерию более мобильной и скорострельной. Некоторые его нововведения оказались слишком авантюрными, а по части корыстолюбия Петр Иванович не уступал легендарному Меншикову, и все-таки о пушках граф знал все. Даже составил вполне содержательный «Атлас новой артиллерии». В 1753 году он представил Сенату секретную гаубицу собственного изобретения с осо-

бой формой ствола. Не меньшую известность получил шуваловский единорог, стрелявший и картечью, и ядрами, и бомбами. На полях сражений с лучшей в мире прусской армией русская артиллерия доказала свой приоритет. «С Елисаветой Бог и храбрость генералов, российска грудь – твои орудия, Шувалов», – писал Ломоносов.

Фридрих Великий

В той войне Россия поставила Пруссию на колени. Разгромила армии Фридриха Великого при Гросс-Егерсдорфе, Кунерсдорфе, Кольберге, взяла Берлин – правда ненадолго. Зато Восточную Пруссию захватила прочно. Она стала одной из губерний Российской империи с центром в Кенигсберге.

Наследие бабушки

Её считали набожной. Разумеется, по свободным понятиям галантного века, когда религиозная сторона жизни в высшем свете привлекала немногих. Многим запомнились паломнические поездки императрицы в Троице-Сергиеву лавру, когда она большую часть пути проделывала пешком.

В последние годы правление Елизавете пришлось сполна понять, что такое болезни и старость, которая пришла к ней, по меркам нашего времени, до срока – на середине пятого десятка жизни. Французский дипломат Ж.-Л. Фавье, много лет проживший в России, примечал: «Из великаго искусства управлять народом, она усвоила себе только два качества: умение держать себя с достоинством и скрытность. Впрочем, ея с каждым днем все более и более разстраивающееся здоровье не позволяет надеяться, чтобы она еще долго прожила. Но это тщательно от нея скрывается и ею самой – более всех. Никто никогда не страшился смерти более чем она. Это слово никогда не произносится в ея присутствии. Ей невыносима самая мысль о смерти. От нея усердно удаляют все, что

может служить напоминанием о конце. В случаях придворного траура, она никуда не показывается, чтобы не надевать черного и не видеть его. В городе не бывает ни погребального звона, ни похоронных процессий. Слабость эта, простительная ей полу, не находит себе извинения в особе, облеченной ею саном, так как заставляет ее пренебрегать обязанностью, в силу которой ей надлежало бы заранее сделать необходимые распоряжения на случай своей смерти. Это может повести к последствиям, которых нельзя ни достаточно предвидеть, ни достаточно предупредить».

В Европе знали о её болезни и не раз хоронили русскую императрицу. Сколько интриг заваривалось вокруг этого! Как и вокруг персон, которых прочили в наследники императрицы. Больше всех она любила внука – Павла и с удовольствием передала бы власть ему. Но не успела, ушла из жизни в 52. Смерть русской императрицы король Фридрих называл своим спасением. Императрица не смогла подготовить достойного наследника. К власти пришел Пётр III – ее племянник и страстный поклонник политики прусского короля. Он в мгновение ока поменял соотношение сил в Семилетней войне. Россия стала союзницей Пруссии, вернула Фридриху все завоевания. Вышло, что наши солдаты зря проливали кровь в великих баталиях... И все-таки 20 елизаветинских лет не прошли для России даром. Страна стала мощнее, просвещеннее. Даже в екатерининские времена многие тосковали по эпохе Елизаветы, по ее веселью, размаху и простоду-

пию. Екатерина, по сравнению с Елизаветой, казалась слишком невзрачной и рациональной. В истории России остались обе. И всё-таки не со знаком минус.

И здесь уместно процитировать проницательного Василия Ключевского: «Елизавета была умная и добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня XVIII в., которую по русскому обычаю многие бранили при жизни и тоже по русскому обычаю все оплакали по смерти».

В этой книге мы собрали мнения современников и историков о русской императрице. Её противоречивый образ складывается из побед, любовных и политических интриг, из женских прихотей и верности планам великого отца. Такой была прекрасная Елисавет.

*Арсений Замостьянов, заместитель
главного редактора журнала «Историк»*

**Ода на день восшествия
на всероссийский престол
ее величества государыни
императрицы Елисаветы
Петровны 1747 года**

Михаил Ломоносов

Михаил Ломоносов

Царей и царств земных отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.

Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойствием не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветер
Чрез яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки

Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хочет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попоранну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с одного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорьби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоко!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,

Приемлет щедрой их рукой.
Ах если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его прнчастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,

Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,

Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.

Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевою одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежные весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием;
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает

Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспредельности

И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

Записка о важнейших персонах при Дворе Русском

Аксель фон Марфельд

Аксель фон Мардефельд (1691 или 1692–1748), прусский посланник в России в 1744–1746 гг. Автор «Записок о важнейших персонах при дворе русском», предназначенных для своего преемника в Петербурге и, конечно, для прусского короля Фридриха II.

Во исполнение приказаний королевских, о коих Ваше Превосходительство меня известить изволили, постараюсь я описать, насколько будет то в моих силах, характеры важнейших персон при дворе русском, каковы они мне представляются.

Императрица есть средоточие совершенств телесных и умственных, она проницательна, весела, любима народом, манеры имеет любезные и привлекательные и действует во всем с приятностью, восхищения достойной. Набожна до суеверности, так что исполняет дотошно все нелегкие и стеснительные обязанности, кои религия ее предписывает, ничем, однако же, не поступаясь из удовольствий самых чувственных, коим поклоняется с не меньшею страстью.

Весьма сдержанна скорее по совету министра своего (имеется в виду А.Бестужев – прим. А.З.), нежели по собственной склонности. Ревнует сильно к красоте и уму особ царственных, отчего желает зла королеве венгерской и не любит цесаревну шведскую. В довершение всего двулична, легкомысленна и слова не держит. Нерадивость ее и отвращение от труда вообразить невозможно, а канцлер из того извлекает пользу, нарочно из терпения выводит донесениями скучными и длинными, так что в конце концов подписывает она все что ни есть, кроме объявлений войны и смертных приговоров, ибо страшится всякого кровопролития.

Знаки внимания героя столь славного и благовоспитанного, каков наш Король, сей Государыне к его величеству самое большое внушили почтение, совершенное уважение и дружеское расположение, из коих последнее, впрочем, пострадало несколько от клевет графа Бестужева, о каковых умолчу, и от лживых донесений, в коих превосходство гения королевского и великое его могущество представлены были как весьма опасные для нее и для державы ее, и токмо лишь страх, сими описаниями внушенный, заставил ее к союзу с Императрицей королевой обратиться и предпринять столько деяний опрометчивых и дорогостоящих. Нетрудно было бы возвратить! ее на добрый путь, но прежде надобно лишь устранить либо подкупить сего министра. В ожидании сего, если было бы угодно его величеству доставить Императрице удовольствие, то преуспеть в этом легко, возвративши на

родину несколько старых солдат русских.

Посланник иностранный, желающий заслужить одобрение царицы, должен ловить случаи тонким и косвенным манером восхищение ее чарами, умом, одеянием, убранством и танцевальным искусством выразить, от критики же воздержаться подолгу беседой Царицу не занимать и дожидаться, чтобы она! к нему речь либо на него взор обратила, когда с другою особою говорит, ибо сие есть знак, что почтить его хочет беседою; следует также избегать тесных уз с великим князем или, по крайней мере, не показывать сего, ибо по прихоти своей к его императорскому высочеству ревнует; наконец, надобно иметь платье новое, богатое и роскошное на всяком празднестве, кое в честь сей Государыни устраивается.

Луи Токке. Императрица Елизавета Российская

Обер гофмейстер Миних, брат фельдмаршала, при дворе главный. Он имеет познания и складно их излагает, однако вовсе утратил способность суждения и почти впал в детство; от него узнать можно, какие речи держит императрица на публике, а ежели кто хочет ей о каком деле поведать, следует о том по секрету обер гофмейстеру сообщить.

Обер шталмейстер князь Куракин умен и к языкам способен, о дворах же, при коих бывал, представление имеет самое справедливое. Жаль, что от пьянства к делам стал неспособен. Обер гофмаршал граф Шепелев ни на каком языке, кроме родного, не говорит. Достоинство его в том заключается, что с тех пор как в сию интересную должность вступил, выучился отменно торговаться. Кушания при дворе скверные, а вина отвратительные.

Полагали поначалу, что гофмаршал Нарышкин при дворе сыграет роль самую блестящую и в величайшем фаворе у Государыни пребывать будет; вышло, однако ж, по иному. Сей Нарышкин – помесь умного человека с безумным. Далее из многочисленных придворных сей Государыни назову лишь тех, кто в фаворе пребывает или же некоторым доверием пользуется. Как то: обер егермейстер граф Разумовский, как всем известен за Ночного Императора, то все пред ним уступают. Природа его всеми физическими совершенствами наделила, кои цитерскому Геркулесу потребны, однако ж умственного достоинства не дала. Глуп как пробка и к государственным делам вовсе неспособен. Канцлер в пору

нашей дружбы признался однажды, что хотел было его к делу приставить, но сей до того бестолков оказался, что говорил черное, когда должен был сказать белое. Влюблен безумно в благодетельницу свою и свирепо ее ревнует. Измены ее, частые, хоть и мимолетные, в таковое отчаяние его приводят, что, как напьется, а сие частенько с ним случается, оскорбляет ее словесно. Темперамента он ипохондрического, исполнен суеверий и все толкует о том, что уйдет в монастырь, случиться же сие может, когда менее всего ожидать будут. Он великий игрок, так что делать ему дорогие подарки – все равно что деньги за окошко выбрасывать, довольно с него и любезностей королевских. Его любимец и наставник – генерал поручик и шталмейстер Сумароков.

Камергер Чоглоков, мелкий дворянин, состоянием обязан жене, коя влюбилась в него, видя, как танцует он на театре. Красота у него вместо ума и достоинств. Тронул он сердце Государыни, коя, однако ж, от него отказалась после того, как жена пригрозила, что его зарежет. Предан первому министру.

Камер юнкер Сивере, коему курфюрст саксонский даровал звание баронское, – сын бедного шведского капитана; в бытность свою лакеем Государыни Елизаветы, имел он счастье заполнять с приятностью некоторые пустоты, и за то до сей поры ему благодарны и во всех увеселительных прогулках и путешествиях инкогнито находится ему место. Притягивает он на звание человека порядочного, толкует часто о том,

что предан всей душою королю, и близок к князю Воронцову; однако с тех пор, как канцлер удружил ему званием баронским, он с ним торгуется, так что, употребляя его в дело, наблюдать следует осторожность. /.../

Два слова добавлю о дамах, коих его императорское величество более других отличает; из всех самая любимая и уважаемая графиня Воронцова. Превосходным характером заслужила она всеобщее одобрение. К интригам не приспособлена. Зато кузина ее Чоглокова в них преуспела. Посему до тех пор, пока не назначили ее обер-гофмейстериной к Великой Княгине, присутствовала она безотлучно при туалете Императрицы. Она взяла сторону министра, который умело тем пользуется в сношениях с Государыней, а равно и чтобы досаждал той, к кому она приставлена. Низкого рода, злая и корыстная, она, однако же, хороша собой и неглупа. Граф Воронцов был любимейшим из ее избранников. В его отсутствие переменяла она привязанности.

Старая генеральша Чернышева (та, что отравила Петра Великого своими милостями, за что сей Государь приказал супругу отколотить ее без всякой жалости часто ко двору звана бывает. Забавляет Императрицу своими выходками и любовными историями.

Графиня Румянцева на хорошем счету у Ее Императорского Величества, поскольку дочерью приходится графу Матвееву, а вернее сказать, прославленной красавице, супруге посла; рождена она и воспитана в чужих краях и, след-

ственно, лучше умеет себя держать, нежели соотечественники. Дом ее – пристанище чужестранцев. Старая кокетка, болтливая, корыстная, она до страсти игру обожает, так что подкупить ее легче легкого, беда лишь та, что она ни к чему не способна.

Графиня Шувалова – хитрейшая из всех. Прежде наперсница Государыни, коя поверяла ей тайны двора, она и ныне благосклонностью пользуется ее величества и правом говорить с нею свободно. Канцлера ненавидит смертельно, так что в борьбе против него можно на ее помощь рассчитывать.

О камердинерах и горничных императрицы умолчу, ибо они того не стоят, чтобы иностранный посланник об них толковал и пользы оттого никакой не предвидится.

Великому Князю девятнадцать лет, и он еще дитя, чей характер покамест не определился. Порой он говорит вещи дельные и даже острые. А спустя мгновение примешь его легко за десятилетнего ребенка, который шалит и ослушаться норовит генерала Репнина, вообще им презируемого. Он уступает всем своим дурным склонностям. Он упрям, неподатлив, не чужд жестокости, любитель выпивки и любовных походов, а с некоторых пор стал вести себя, как грубый мужлан. Не скрывает он отвращения, кое питает к российской нации, каковая, в свой черед, его ненавидит, и над религией греческой насмехается; ежели Императрица ему приказывает, а ему сие не по нраву, то противится, тогда повторяет она приказание с неудовольствием, а порой и с угроза-

ми, он же оттого в нетерпение приходит и желал бы от сего ига избавиться, но не довольно имеет силы, чтобы привести сие в исполнение. Всем видом своим показывает он, что любит ремесло военное и за образец почитает Короля, чьими деяниями великими и славными восхищается.

В покоях своих часто играет он в куклы. Супругу не любит, так что иные предвидят, по признакам некоторым: детей от него у нее не будет. Однако ж он ее ревнует. Так что ежели хочешь к нему войти в доверие, не стоит ее посещать чересчур прилежно. С ним толковать следует об осадах и битвах. Канцлер нынче у него на хорошем счету стараниями принца Августа и его шайки. Обер-гофмейстер Великого Князя, генерал князь Репнин, не осмеливается ничего предпринимать для его исправления. Князь этот, как говорят, славен воинскими талантами. Он неглуп, однако же желчный нрав, грубости и пьянство затмевают добрые его свойства. Принадлежит он к присным канцлера. Когда я из Петербурга выехал, за наперсника у его императорского высочества был молодой Вильбуа, камер юнкер, у коего отец француз, а мать дочерью доводится лютеранскому пастору Глюку, в чьем доме выросла императрица Екатерина. /.../

Тайный советник и секретарь кабинета Императрицы барон Черкасов – особа, кою сия Государыня почитает и слушает со вниманием, ибо вторую из сих должностей исправлял он еще при Петре Великом, и верит Императрица, что за преданность интересам сего монарха сослан он был в Си-

бирь при Петре Втором. Человек он нелюдимый, грубый и зловерный, российскому крючкотворству превосходно обученный. Он напоказ выставляет свое бескорыстие, втайне же гребет обеими руками. Представляет он Ее Императорскому Величеству все указы, декларации и письма, кои подписать надлежит, включая те, что иностранных дел касаются, ежели канцлер заниматься сим не желает. С тех пор, как сей последний Черкасова поставил на дела иностранные, живут они душа в душу. Черкасов же заведует личными расходами Императрицы. С иностранными посланниками дела иметь никакого не желает, однако же английский консул Вольф ему закадычный друг, и посему лондонский двор им распоряжаться может по своему благоусмотрению. Говорит он только по российски. С графом Бестужевым разлучить его никому не по силам, кроме разве графа Воронцова.

Тайный советник Веселовский, происхождения еврейского, умен и слывет более сведущим, нежели собратья его в Петербурге. Он доверенное лицо и креатура канцлера, каковой часто у него просит совета, и честен столько же, сколько начальник его. Был сослан в то же время, что и барон Черкасов, ибо держал речи, для правительства оскорбительные, и строил козни графам Остерману и Левенвольде. Любит интриги, вино и женщин. Будучи осведомителем при покойной герцогине Голштинской, попытался было он из нее сделать Элоизу, но без успеха. Счастлив он, что наглая его выходка неизвестной осталась Петру Первому, ибо покарал бы его

сей Государь по меньшей мере столь же жестоко, как покарали некогда Абеяра... К иностранным посланникам ездит Веселовский только лишь, когда на обед приглашают.

Статский советник Неплюев без сомнения самый ловкий из всех себе подобных. Ум у него изощренный и к интригам способный, в плутовстве же Веселовскому не уступит. Канцлер его от себя отдалил, ибо чрезмерной счел близость его к кружку Воронцова.

Тайные советники Юрьев и Курбатов никакого весу не имеют по причине дружбы своей прежней с графом Остерманом.

Статский советник Гольдбах прибыл из Кенигсберга, в дворянство возведен саксонским курфюрстом, человек честный и отечеству своему весьма преданный. Обладает достоинствами и познаниями, особенно в математике, но пребывает лицом партикулярным; употребляем канцелярией для писания писем латинских и французских в ответ на те, какие от дворов иностранных поступают. Употребляют его также для дешифровки донесений посланников иностранных, что, однако же, удастся ему, лишь если зашифрованы они без надлежащего тщания. В тайны его вполне не посвящают.

Алексей Бестужев

У графа Бестужева проживают в доме трое секретарей Императрицы: Симолин, Иванов и Юберкампф. Последний совместно с почт директором Ашем все письма, в Петербург прибывающие и из Петербурга отбывающие, распечатывает. Подкупить его было бы полезно, но трудно сделать. Не будь секретарь так стар, можно было бы его в дело употребить с пользой, ценою пенсiona в две три сотни рублей...

1747 г.

Императрица Елисавета Петровна

Николай Костомаров

Путь к власти

Елисавета родилась в селе Коломенском 18 декабря 1709 года. День этот был днем торжественным: Петр въезжал в Москву, за ним везли шведских пленных. Государь намеревался тотчас праздновать полтавскую победу, но при вступлении в столицу его известили о рождении дочери. «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с восшествием в мир дочь мою, яко со счастливым предзнаменованием вожделенного мира», – сказал он. В Успенском соборе отслужено было благодарственное молебствие. Прослушавши его, царь отправился в село Коломенское, где находилось его семейство. Он нашел Екатерину и новорожденного младенца здоровыми и на радостях устроил пир. Коломенский дворец, хотя деревянный, был очень обширен и заключал в себе 270 покоев с тремя тысячами окон, было где собраться большому стечению гостей. К пиру приглашены были привезенные царем шведские пленники. Вне дворца угощали нижних чинов и народ; им выкатили несколько бочек с вином и поставили на столах закуски.

Будучи только восьми лет от роду, принцесса Елисавета уже обращала на себя общее внимание своей красотой. В октябре 1717 года царь Петр возвращался из путешествия за границей и въезжал в Москву. Обе царевны – Анна и Елисавета – встречали родителя, одетые в испанские наряды. Тогда французский посол заметил, что меньшая дочь государя казалась в этом наряде необыкновенно прекрасной.

Валентин Серов. Елизавета Петровна и Петр II на охоте

В следующем 1718 году введены были ассамблеи, и обе царевны являлись туда в платьях разных цветов, вышитых

золотом и серебром, в головных уборах, блиставших бриллиантами. Уже тогда принцесса Елисавета обратила на себя внимание в танцах. В то время в ассамблеях в ходу были танцы: английский кадриль, менуэт и польские танцы. Елисавета, кроме легкости в движениях, отличалась находчивостью и изобретательностью, беспрестанно выдумывая новые фигуры. Наряду с нею славились в танцах ее сверстницы по летам, девочки – Головкина, княжны Черкасская, Кантемир и Долгорукая – будущая невеста Петра II. Но из них преимущество все отдавали Елисавете, так решали шведские офицеры, учившие танцевальному искусству; так говорил французский посланник Леви, заметивший, что Елисавета могла бы назваться совершенной красавицей, если бы у нее волосы не были рыжеваты. По обычаям того века танцы начинались в 3 часа пополудни и продолжались до ночи. В ассамблеях посетители не стеснялись присутствием дам и девиц. В тех же покоях, где танцевали, пожилые люди играли в карты и в шахматы, курили табак, пили вино, закусывали, шумели, а иногда и бранились между собою. В следующие за тем годы обе царевны являлись в публике на прогулках, зимою в санях, а летом – на Неве, в лодках, одетые в наряд сардинских корабельщиков – в канифасных кофтах, красных юбочках и небольших круглых шляпах. У обеих на спине были крылышки: так в обычае было одевать девочек до их совершеннолетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.